

каштоўнасці – усё тое, у чым вялікі паэт бачыў аснову самазахавання нацыі” [4, с. 104].

Людвік Кандратовіч у паэме “Urodzony Jan Dęboróg” не імкнецца максімальна дэталёва перадаць гістарычную карціну, а падыходзіць да яе з пэўнай доляй лірызацыі, умоўнасці і свабоды інтэрпрэтацыі, што цалкам апраўдана спецыфікай мастацкай творчасці ўвогуле. Абраная форма ўвасаблення гістарычных падзей дыктуе і аўтарскую адмысловую манеру іх адлюстравання – нават буйны ліра-эпас набліжаецца да гавэнды. Вядомыя падзеі і постаці мінулых часоў надаюць твору рэалістычнасці, за кошт яе і ствараецца атмасфера былога ладу Рэчы Паспалітай – сацыяльнага, культурнага, палітычнага, рэлігійнага – такога, якім яго бачыў Уладзіслаў Сыракомля, да якога меў сантымент, які мог бы лічыць патрыятычным арыенцірам на будучыню.

Літаратура

1. Syrokomla, W. Poezye Ludwika Kondratowicza (Władysława Syrokomli). T. 1. Warszawa: Skład Główny u Gebethnera i Wolffa, 1872. – 361 s.
2. Syrokomla, W. Wybór poezji / Władysław Syrokomla. 2-e wyd., zmienione. Wrocław: Ossolineum, 1970. – 426 s.
3. Гісторыя Беларусі: У 6 т. Т. 3. Беларусь у часы Рэчы Паспалітай (XVII – XVIII стст.) / Ю. Бохан [і інш.]; Рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мн.: Экаперспектыва, 2004. – 344 с.
4. Некрашэвіч-Кароткая, Ж. «Я песню прысвячаю гэткаму народу!» Ліра-эпічная спадчына Уладзіслава Сыракомлі. – Маладосць. – № 12 (733). Снежань 2014. С. 92–104.

С.Г. Васільева (Вітебск)

ТЕМА ГОРОДА В ТВОРЧЕСТВЕ В. БРЮСОВА И М. БОГДАНОВИЧА

В современном литературоведении возрастает интерес к рассмотрению национальных литератур через призму сопоставления. Изучение в контексте сопоставления творчества писателей, которые являются представителями разных наций, позволяет глубже проанализировать явления литературного процесса, характерные каждой стране, выявить культурно-эстетическую оригинальность, свойственную конкретной национальной литературе, расширить представление о доминантных чертах художественного стиля писателей.

Виды и формы литературных связей многообразны. Чаще всего говорят о влияниях и заимствованиях. Последние оцениваются не всегда позитивно. Конечно же, в заимствованиях нет ничего плохого, только уместно говорить о разумных пределах в творчестве авторов. Изучение влияний и заимствований позволяет определить роль талантливой творческой личности в художественном процессе вообще и конкретного исторического времени.

Один из классиков белорусской литературы начала XX века Максим Богданович постоянно обращался к художественному наследию инонациональных авторов: французских, русских, украинских, японских. Богданович жил за пределами белорусской земли, языком образования у него был русский язык. Он прекрасно знал русскую классику и современную ему русскую поэзию начала прошлого века, о чем свидетельствуют эпиграфы к некоторым его стихотворениям и литературно-критические выступления.

По-своему закономерно, что в работах ряда современных исследователей (О.И. Федотова, В.Ю. Жибуль, Т.И. Жиркевич, Сибато Кена) творчество М. Богдановича активно сопоставляется с поэзией классиков не только русской, но и французской, болгарской литератур.

Безусловно, одним из популярных русских писателей на рубеже позапрошлого и прошлого веков был символист Валерий Брюсов. Сомнений в том, что молодой белорусский поэт был знаком с произведениями В. Брюсова, не возникает. В рецензии на сборник стихов В. Брюсова “Семь цветов радуги” М. Богданович весьма лестно отзывался о стихотворениях одного из законодателей русского символизма: “Брюсов – величина вполне сложившаяся, его достоинства и недостатки давно выяснены, характерные черты определены, и в этом отношении между критиками самых разнообразных направлений нет разногласий: расходясь в оценке, они сходятся в характеристике его поэзии” [3, с. 411]. Брюсов принадлежал к числу поэтов, интересных для Максима Богдановича. Причина этого заключалась в том, что В. Брюсов – чрезвычайно талантливый поэт. Тематика его произведений привлекала Богдановича. Горожанин М. Богданович по В. Брюсову сверял свое восприятие городских реалий. Его сонет “У Вільні” начинался эпиграфом из стихотворения Брюсова о городе вообще:

Ты – чарователь неустанный,

Ты – неслабеющий магнит.

В. Брюсов прослыл знатоком французской литературы XIX века. Идейными вдохновителями для него были Шарль Бодлер, Поль Верлен, Артю Рембо. Восхищение родоначальниками европейского символизма поэт не скрывал. Неоднократно эпиграфами к стихотворениям он брал строки, принадлежащие знаменитым французским поэтам: “Музыка прежде всего” – П. Верлен [4, с. 175]; “О ты, которую я мог бы полюбить, о ты, которая это знала!” – Ш. Бодлер [4, с. 200] и т.д. Весьма много цитат в его произведениях взято из русской литературы, в частности, из произведений Александра Пушкина, Осипа Мандельштама, Фёдора Тютчева, Афанасия Фета, Михаила Лермонтова. Не стал в этом отношении исключением и М. Богданович, который также насыщал свои произведения строками из произведений Янки Купалы, Якуба Коласа, Поля Верлена, Шарля де Сент-Бёва, Николая Буало, Генриха Гейне, Виктора Гюго, Евгения Боратынского, Александра Пушкина, Афанасия Фета.

Использование эпитафий – это одна из отличительных черт обоих поэтов. Возможно, это не столько авторское предпочтение, сколько влияние духа времени. Ведь, как известно, для поэтов Серебряного века это была распространенная практика: А. Блок, А. Белый, В. Иванов и многие другие использовали цитаты в начале своих произведений [1, с. 358].

Урбанистическая тема – одна из любимых в творчестве Валерия Брюсова. Чаще всего город у него символизирует одиночество, неприглядность, обречённость:

*Нам страшны размеры громадные
Безвестной растущей тюрьмы.
Над безднами, жалкие, жадные,
Стоим зачарованы, мы.*

Немало строк посвящены городу и у белорусского поэта Максима Богдановича:

*За дахамі места памеркла нябёс пазалота;
Паветра напоена ціха гусцеючым мрокам;
Ўжо відна, як іскры злятаюць з трамвайнага дрота,
Як зоркі гараць і зрываюцца ў небе далёкім.*

Правда, образ города отличается у поэтов. М. Богданович в построении образа менее категоричен и смел в эпитетах. Большей частью в изображении города он использует динамическое перечисление существительных и глаголов, его определения лишены эмоционально-экспрессивной окраски.

*А завернеш ў завулак – ён цесны, крывы;
Цёмны шыбы глухіх, старасвецкіх будынкаў.*

Чаще всего город у М. Богдановича – это всего лишь декорация, фон для основного действия или переживания. Он словно находится на заднем плане: “Вітрыны... мора вывесак... як плямы”, “Ў небе купалы, брамы, байніцы і шпіцы”. Но главное место принадлежит лирическому герою. У Максима Богдановича город динамичен, он погружен в хаотичное движение:

*Кіпіць натоўп на жорсткім вулак дне!
Снуюць хлапцы, суюшчыя рэкламы...
Разносчыкі крычаць ля кожнай брамы...
Грум, гоман, гул, – усё ракой імкне.*

У Валерия Брюсова город бездушен, картинно отчуждён:

*Стрелой врезаясь в города,
Свистя в полях, гремя над бездной,
Летят немолчно поезда
Вперед по полосе железной.*

М. Богданович сумел интерпретировать урбанистическую тему по-своему, не слепо копируя стиль, а лишь взяв отдельные моменты манеры повествования с акцентированием идеи о разобщённости, безличности людей. В известном цикле стихотворений М. Богдановича «Места» нет

мёртвого города, обреченного, как у В. Брюсова. Однако и лирического героя Богдановича город морально подавляет, делает слабым, беззащитным:

*Мо на бульвар пайсці, сесць на далёкай лаўцы,
Хаця бы крышку часу адпачыць!
Здрамнуць, газету свежую купіць
І прачытаць усё да імені выдаўцы?*

Не всегда строки В. Брюсова, посвященные городу, имеют пессимистичную окраску:

*Люблю один: бродить без цели
По шумным улицам, один;
Люблю часы святых безделий,
Часы раздумий и картин.*

Уже тогда русский поэт предугадывает: будущее за городской жизнью, но будет она не только прекрасной. Проскальзывающий оптимизм в сочетании с иронией характерен и М. Богдановичу: “О, горада чароўныя прынады!” [2, с. 70]. Город у М. Богдановича – это место, где царит атмосфера духоты, нищеты и равнодушия:

*Ад спёкі пышуць дахі і асфальт,
На вуліцы пыл, і грукаціць фурманка;
“Каробушку” няе дзіцячы альт,
І надрываецца абрыдлая шарманка.*

Взаимодействие литератур и взаимодействие писателей – явления сложного порядка. В связи с урбанизацией империи тема города властно входила в русскую поэзию начала XX века, к ней обращался и белорусский поэт М. Богданович. В трактовке города и городской жизни у Максима Богдановича и Валерия Брюсова, есть определённое сходство, которое можно объяснить, с одной стороны влиянием знаменитого русского поэта на молодого Максима Богдановича, с другой стороны, черты сходства можно объяснить сходством восприятия городских реалий людьми разных поколений, но одного исторического времени. При изображении города В. Брюсов часто использовал приём драматизации чувств и явлений, а М. Богданович – иронию.

Литература

1. Автор как проблема теоретической и исторической поэтики: сб. науч. ст. В 2 ч. Ч 1/ ГрГУ им. Я.Купалы ; редкол.: Т.Е. Автухович (отв. ред.). – Гродно : ГрГУ, 2008. – 381 с.
2. Багдановіч, М. Зорка Венера: творы / укл. і прадм. А. Клышкі/ М. Багдановіч. – Мінск : Маст. літ., 1991. – 462 с.
3. Багдановіч, М. Поўны збор твораў: у 3 т. Т. 2. Маст. проза, пераклады, літаратурны артыкулы, рэцэнзіі і нататкі, чарнавыя накіды / М. Багдановіч. – Мінск : Навука і тэхніка, 1993. – 600 с.
4. Брюсов, В.Я. Избранные сочинения / сост., вступ. статья и примеч. А. Козловского / В.Я. Брюсов. – М. : Худож. лит., 1980 – 574 с.